

ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОЛОГИИ БЫЛИН В «СВОДЕ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА»

Свод русского фольклора — это совокупность выдающихся памятников самобытной культурной деятельности русского народа. Свод — по определению Б. Н. Путилова — «наиболее емкая, рациональная и адекватная форма сохранения и обобщения народно-поэтической культуры... Именно своды в систематизированном виде наглядно и полно представляют национальный фольклор во всем его богатстве и многообразии исторически сложившихся проявлений, внутренней сложности и целостности. Своды позволяют наилучшим образом соотносить фольклор разных народов, рассматривать его в ряду мирового фольклорного процесса, оценивать вклад народа в мировую культуру».¹

Значимость работы над Сводом фольклора обусловлена тем, что он рассчитан не на узкие научные задачи специалистов, а адресован современной культуре в целом. Правильно поставленная работа над Сводом представляет собой единство частных и итоговых обобщений, разысканий источниковедческого, текстологического и историографического порядка. Таким образом, Свод — «это предприятие большого теоретического масштаба».²

Истоки планомерной публикации произведений народного творчества относятся к концу XVIII — первой половине XIX века: от «Собрания разных песен» М. Д. Чулкова 1770-х годов к «Песням, собранным П. В. Киреевским», «Пословицам русского народа» В. И. Даля, «Русским народным лирическим песням» Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина, «Народным русским сказкам» А. Н. Афанасьева и др. Задача издания собраний сводного типа, рассматриваясь как задача сложная и актуальная, вовлекла в собирательское движение представителей самых разных слоев интеллигенции.

Подлинное начало работы над Сводом русского фольклора следует отнести лишь к концу 30-х годов XX века. В 1938 году писателем-академиком Алексеем Николаевичем Толстым были произнесены слова, получившие большой общественный резонанс: «...у нас неисчерпаемые запасы фольклорного материала. Часть его, будучи опубликована в разных старых изданиях, представляет теперь библиографическую редкость. Другая часть <...> лежит неопубликованной в архивах. И, наконец, третья состоит из огромного количества новых записей <...>. Все эти фонды <...> недоступны не только для широкого, но и для среднего читателя. Наша обязанность собрать эти фонды в один Свод в виде многотомного издания и вернуть народу его сокровища <...>. Издание „Свода русского фольклора“ будет не только ценным художественным вкладом в мировую литературу, но оно имеет огромное

¹ Путилов Б. Н. Свод как важнейшая современная форма научного освоения фольклорного наследия // Фольклорное наследие народов СССР и современность. Кишинев, 1984. С. 347.

² Там же. С. 348.

политическое значение, так как отражает богатую духовную культуру русского народа и страны, к которой устремлены взоры всего мира».³

В декабре 1940 года Президиум Академии наук СССР утвердил Главную редакционную коллегию Свода фольклора народов СССР во главе с А. Н. Толстым. Работа была сорвана началом Великой Отечественной войны.

Создание систематизированных базовых библиотек национального фольклора началось значительно позже, когда в Ленинграде по инициативе Сектора народнопоэтического творчества ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР стали выходить тома серии «Памятники русского фольклора», что породило широкий отклик в виде сводных изданий в республиках СССР. С 1967 года начал издаваться Свод белорусского фольклора в 30 томах, с 1969 года — Свод украинского фольклора в 62 томах. Был выпущен десяти томный Свод армянских народных сказок. Издавалась антология грузинского фольклора в 12 томах. Предпринимались издания тезауруса фольклора Эстонии в 45 томах, латвийских дайн в 15 томах, публикация антологических томов Свода молдавского фольклора, Свода узбекского музыкального фольклора. Было осуществлено издание Свода мордовского фольклора, многотомные собрания-антологии татарского, чувашского и башкирского фольклора. Это направление работы фольклористов получало высокую оценку на страницах научной печати.

Что касается возможного издания Свода русского фольклора, то его идея по-прежнему переживала подготовительный период: издавались большие итоговые труды в академических сериях «Памятники русского фольклора», «Литературное наследство», «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», «Былины. Русский музыкальный эпос» и мн. др. Продолжалась успешная экспедиционная работа.

Начиная с 1970-х годов проходили дискуссии на Всесоюзных конференциях, которые часто не столько продвигали реализацию идеи Свода, сколько ее осложняли.⁴ Свод фольклора в известном отношении должен отражать достижения национальной фольклористики, быть итогом ее изучения. Что касается Свода русского фольклора, то, как писал академик Д. С. Лихачев, «русский фольклор по богатству, обилию материала, географическому разнообразию, сложности жанрового состава несравним ни с одним фольклором Европы и советского Востока. Поэтому приемы, которыми создаются своды фольклора в наших республиках при участии ИМЛИ АН СССР, не могут быть взяты за образец для русского фольклора».⁵

В 1977 году в свет вышел 17 том ежегодника «Русский фольклор», содержащий общий проспект Свода и проспект первой его серии («Полное собрание русских былин»). Это было знаменательное событие, так как в соответствии с решением Отделения языка и литературы АН СССР от 6 сентября 1977 го-

³ Толстой А. Н. Депутат-писатель // Правда. 1938. 12 дек. № 341; А. Н. Толстой и Свод русского фольклора / Публ. А. А. Горелова // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. С. 3–6.

⁴ Пестрота мнений нашла свое отражение в публикациях этого времени. См., например: Горелов А. А. 1) Соединяя времена // Звезда. 1973. № 11. С. 191–206; 2) Взнос в будущее (Нужен Свод русского фольклора) // Советская культура. 1977. 17 июня. № 49; Русский фольклор: Проблемы «Свода русского фольклора». Л., 1977. Т. 17; Черемин А. Фольклорный свод // Ленинградская правда. 1979. 19 мая. № 115; Холмчук Н. И. Всесоюзное совещание по вопросам издания Свода русского фольклора (серия «Былины») // Русский фольклор: Вопросы теории фольклора. Л., 1979. Т. 19. С. 217–227; Лихачев Д. С. Несколько замечаний о составлении «Свода русского фольклора» // Русский фольклор: Поэтика русского фольклора. Л., 1981. Т. 21. С. 115, 116; Краюхин С. Свод русского фольклора // Известия. 1981. 10 апр. № 85; Пипия Б. 1) 100 томов русского фольклора // Московские новости. 1984. 10 июня. № 23. С. 11; 2) Былины Печоры // Правда. 1988. 12 марта. № 71.

⁵ Лихачев Д. С. Несколько замечаний о составлении «Свода русского фольклора». С. 115.

да о Своде русского фольклора сектор народного творчества Института русской литературы приступил к подготовке первой серии Свода — «Былины в 25 томах».⁶

5–6 декабря 1978 года в Пушкинском Доме состоялось всесоюзное совещание по вопросам издания Свода и его первой серии. Центральным был вопрос: по какому принципу будет организован материал при подготовке русских былин в Своде: по региональному или сюжетному. В результате дискуссии за основу был принят региональный принцип. Материал, организованный по регионам и хронологии записей, позволяет воссоздать не только историческое движение фольклористики, но и в значительной мере показывает образ русской фольклорной культуры в ее эволюции. Основной единицей публикации материала в Своде являются подлинные фольклорные тексты, взятые в их первичной фиксации.

Региональный подход к созданию Свода выдвигает на первый план момент географического размещения материала, специфику исполнительских школ, своеобразие сложившихся во времени культурных гнезд, позволяет выявить личное творческое начало в создании эпоса. Этот принцип основан на том, что общерусская песенная культура имеет, по существу, достаточно четкую локальную творческую природу. Музыковеды поддерживали региональный принцип расположения материала, подчеркнув, что этого требуют не только известные моменты диалектологического сходства, сходства сюжетов и мотивов, но и существование единой песенной культуры региона, наличие эпических школ напевов, которые имеют местную специфику.

Текстологическая подготовка издания на современном уровне невозможна без строфической разбивки текстов, строфического воспроизведения былин в исполнении данного сказителя. Между тем в одних регионах былины и эпические жанры имеют песенную строфическую структуру, в других — тирадную импровизационную. С точки зрения выявления напевного стиля могут быть выделены северорусские, среднерусские (и Сибирь) и южнорусские (казачьи) былины. В свою очередь внутри северорусского материала намечается прионежская манера исполнения (принципиально-сольная, импровизационная), архангельская (также сказительская, сольная, но допускающая ансамблевые формы «подхвата»), распространяющаяся на Мезень, Кулой, Печору и Беломорье, а также промежуточная пинежская традиция.⁷

Комплексная тема «Свод русского фольклора» вошла в общий координационный план, который утверждался Президиумом АН СССР и согласовывался с Государственным Комитетом по науке и технике, а это в свою очередь позволило работникам Высшей школы и культурных учреждений ввести темы, связанные со Сводом, в свои внутренние планы.⁸

Свод русского фольклора, считавшийся утопией отечественной науки, в XXI веке становится реальностью. Начинается систематическое издание его первой серии — «Былины», не имеющей аналогов в мировом эпосоведении. Энциклопедическая по богатству материалов серия практически исчерпывает известную науке источниковедческую базу. Публикуется полный корпус былинных записей XVIII–XX столетий — 3 тысячи текстов, приблизительно треть которых никогда ранее не была издана. Организатор и главный редактор десяти томов серии «Былины», вышедших при его жизни, А. А. Горелов писал: «Создание Свода — научная задача высшей категории сложности и трудоемкости. Однако ее решение освобождает поколения исследователей

⁶ В настоящий момент изданы 12 томов серии «Былины» в Своде русского фольклора и в процессе ближайшей подготовки к изданию находятся еще четыре тома.

⁷ Русский фольклор. Т. 19. С. 223.

⁸ Там же. С. 222.

от повторяющихся поисков-блужданий по архивным лабиринтам, от погони за первоисточниками, хаотически разметанными по книжным, журнальным, газетным публикациям и далеко не всегда прошедшими экспертизу на подлинность. Свод памятников фольклора — подобие академических собраний сочинений классиков. От него, и только от него, пролегает дорога к фундаментальной истории жанров фольклора, подразумевающей опору на всю возможную совокупность базовых материалов».⁹

Былины были избраны первой серией Свода, что было продиктовано не только высоким общественным и эстетическим значением данного круга памятников культуры, о котором писал А. А. Горелов: «Входя в восточнославянское культурно-этническое ядро, выступая хранителем древнейшего эпического наследия, былины соединяют в своем сюжетном составе черты эпосов догосударственного, эпохи Киевской Руси и периода Московской централизации. Пронизанные идеями героики, былинные произведения явились одним из важнейших факторов, обеспечивавших консолидацию русской нации и русской государственности».¹⁰ Решение начать Свод с былин было обусловлено, с одной стороны, научной подготовленностью отечественной фольклористики к ее изданию, с другой — тем обстоятельством, что былины уже исчезли из живого бытования и практически целиком перешли в категорию памятников культуры. А это означает, что для фольклористики сегодня открыта возможность создать на основе исчерпывающего учета всего записанного в XVIII–XX столетиях материала былин не очередную антологию, но фондовую национальную библиотеку, корпус русского былинного эпоса, который обеспечит сохранение и дальнейшую популяризацию одной из основных форм национальной культуры. Издание серии «Былины» в Своде русского фольклора предполагает создание фактографического фундамента русского эпосоведения. Момент «диалектологии духовной культуры» существенен для прочтения глубинной истории эпоса. Для современного народознания термин «диалектология народной культуры», предложенный академиком Н. И. Толстым, в высокой степени продуктивен при создании былинной серии. Принцип размещения текстов серии «Былины» — комплексный, сочетающий достоинства общенациональной сюжетно-тематической характеристики и историко-географической группировки былин. Впервые за всю историю собирания и публикации былин в издании «Свода» целостно, по всем записям, представлены традиции, которые хранили эпос.

Одним из важнейших разделов работы над Сводом является *систематизация* текстов, которая требует глубокого проникновения в жанровую специфику фольклорного материала, в законы фольклорного сюжетосложения. Свод фольклора, по словам Б. Н. Путилова, «должен отвечать требованиям полноты, текстологической авторитетности, единства правил научного редактирования. При учете этих требований <...> необходимо исходить из признания и понимания специфики фольклорных текстов, а также учитывать реальную картину имеющихся записей (фиксаций)».¹¹ В Своде речь идет также о единстве вербальных и музыкальных текстов, обряда, исполнительской традиции, исполнительского окружения, «учета сопутствующих правил, ограничений, запросов, внетекстовых связей, то есть всего того, что составляет для фольклорных текстов устойчивый и обязательный бытовой контекст, семантические и функциональные поля».¹² Сложность систематизации, в резуль-

⁹ Горелов А. А. Золотая кладовая русского эпоса // Горелов А. А. Соединяя времена. СПб., 2011. С. 4.

¹⁰ Там же.

¹¹ Путилов Б. Н. Свод как важнейшая современная форма научного освоения фольклорного наследия. С. 349.

¹² Там же. С. 348.

тате которой должны быть выявлены версии и редакции и различные текстовые варианты отношения, заключается в том, чтобы «правильно соотнести синхронные и диахронные показатели в текстах, представить тот или иной сюжет с точки зрения как полноты и разнообразия возможностей, заложенных в нем, так и его исторической динамики. В процессе систематизации могут устанавливаться генетические зависимости между текстами, надежность которых подтверждается внешними данными (факты усвоения текстов одними исполнителями от других при наличии записей обоих текстов)».¹³

Одним из важнейших моментов при подготовке Свода является *критика текстов*, т. е. выделение «вторичных» фольклорных материалов, а также текстов, подвергшихся редакторской обработке. Корпус любого тома Свода может состоять только из подлинных фольклорных материалов, адекватно отражающих живую устно-поэтическую традицию, не искаженную разного рода внешними вмешательствами. Предельная аутентичность фольклорных текстов, попадающих в Свод, есть обязательное его условие, так как в противном случае он не сможет считаться надежной источниковедческой базой. При работе над Сводом, таким образом, проблемы текстологии приобретают первостепенное значение.

Текстология включает в себя вопросы издания текстов, изучение их истории и исследование текста как такового. Объектом текстологии является текст произведения. Метод текстологии заключается в сравнительно-историческом сопоставлении текстов, дошедших до нас в различных источниках. Эти общие положения полностью применимы и к фольклористической текстологии. Фольклорный текст однако не равнозначен литературному. В индивидуальном творчестве создание произведения и реализация замысла в каком-то тексте — это два одновременных, неразрывных, сопутствующих друг другу процесса. Если нет текста литературного произведения, то нет и самого произведения. В народной поэзии произведение как таковое существует в коллективной памяти носителей фольклора. Текст же произведения каждым из сказителей при каждом отдельном акте исполнения воссоздается, но не создается заново. Не зафиксированный с помощью каких-либо технических средств (карандаш и бумага, магнитофон, грампластинка и т. д.) конкретный фольклорный текст, отзвучав, исчезает, перестает существовать. Чтобы текст продолжал жить, он должен быть записан. Собирателем является посредником между исполнителем и читателем. В идеале ученый, записывающий фольклор, обязан передать текст абсолютно точно, не привнося в него ничего от себя. Но вся история фольклористики показывает, что личность собирателя, его представления о точности записи, его способы фиксирования народной поэзии, понимание диалекта, строфики песенных форм и т. д. — все это так или иначе сказывалось на том тексте, который получал читатель.

Перед современной эдиционной текстологией по-прежнему стоят следующие вопросы: совершенствование различных типов фольклорных изданий; разработка правил передачи диалекта в текстах народной поэзии; решение вопросов орфографии и пунктуации; научное обоснование расположения в сборниках текстов различных жанров, т. е. проблема композиции сборника; нотировка песенных форм фольклора; комментирование произведений устно-поэтического творчества.

Опубликованный фольклорный текст, как известно, есть только отражение (не всегда точное) того, что звучало в устах сказителя. Между устным и напечатанным текстом существует целая цепочка превращений: полевая запись, переписанная рукопись, опубликованный вариант. На каждом из указанных

¹³ Там же. С. 350.

этапов своей жизни текст претерпевает определенные изменения, а потому для фольклориста ясно, что, прежде чем изучать, например, влияние народного творчества на поэтов XVIII–XX веков, надо исследовать сам стих устной поэзии и делать это необходимо по текстологически строго достоверным материалам. Для исследования былинного стиха, безусловно, целесообразнее обратиться к старым записям на фонографе, а также к собраниям последних лет, содержащим нотные расшифровки с магнитофонных лент. Текстологическая оценка классических собраний русского фольклора — это не частная задача, касающаяся истории фольклористики, а необходимейшее условие для обеспечения дальнейшего успешного развития филологической науки.

Один из важнейших, изначальных текстологических вопросов, который приходится решать при переиздании классических собраний в Своде русского фольклора, — это вопрос о *первоисточнике*. Теоретически он решается просто: за первоисточник берется первое издание или, если сохранилась рукопись, — черновой вариант того или иного фольклорного собрания. На практике все далеко не так однозначно, потому что во многом напрямую зависит от особенностей методики записи собирателя.

Разницу работы над текстами былин, включаемых в антологию и в Свод, покажем на ряде конкретных примеров.

В 1922 году А. М. Астахова записала на Печоре и затем опубликовала былины этого региона в книге «Былины Севера» (М.; Л., 1938. Т. I; М.; Л., 1951. Т. II). Впоследствии многие антологии включали в свой состав записи Астаховой в том виде, в каком они были ею опубликованы.

При работе над первыми томами серии «Былины» в Своде русского фольклора обнаружилось, что есть возможность более точно определить первоисточник, и он оказался далеко не идентичным изданным текстам. Все фольклорные записи Астаховой, сделанные на Печоре в 1929 году, сохранились и находятся в фольклорном хранилище Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ИРЛИ. Р. V. Кол. 6. П. 8). Собрание включает полевые карандашные записи текстов былин и перебеленные тексты. Кроме того, имеются фонозаписи некоторых былин, сделанные сразу же, при первом исполнении, или через несколько дней. Полевые и перебеленные записи дают представление о методике работы собирателя. В большинстве случаев Астахова записывала былинку дважды — сначала сказанный вариант, затем делала по нему правки во время повторного пения былины. Запись былины «с голоса» приводила к многочисленным исправлениям сказанного варианта. Эти уточнения, добавления, разночтения отмечались собирателем при помощи системы специальных знаков.

Записанные таким способом печорские былины были опубликованы А. М. Астаховой как *сводные* тексты. Задача текстологов, работающих над Сводом, заключалась в данном случае в определении правомерности такого сведения с учетом особенностей каждого варианта. Анализ полевой записи, перебеленного текста, имеющейся фонозаписи и публикации каждой из 43 изданных Астаховой былин позволяет выделить некоторые типовые случаи.

Первый тип объединяет былины, записанные со слов исполнителя только один раз (№ 59, 65, 80, 81, 89 и некоторые др.). Сохранившиеся полевые и перебеленные записи этих былин при сопоставлении показывают минимальные разночтения. Это наиболее бесспорный случай — былины при переиздании публикуются *по полевой записи*.

Ко **второму типу** отнесены былины, записанные на фонограф (№ 57, 69, 70 и 71 и др.). Как правило, фиксировалось начало былины, иногда всего лишь один-два стиха (например, № 71 — «Дюк Степанович» от В. П. Носова). Нередко пение на фонограф записывалось через несколько дней после первой

фиксации полного текста (былины на фонограф записывали Е. В. Гиппиус и Э. В. Эвальд), причем былинку № 57 «Про старого» Е. П. Чупров повторно для фонографа исполнил вместе с братьями и сыном. При записи этой былины не были спеты стихи с девятого по пятнадцатый.

В Своде записанные на фонограф отрывки былины публикуются с нотными расшифровками как *самостоятельные* варианты.

Третий тип представляет собой былины, сначала записанные со слов сказителя, затем выправленные при пении. Это наиболее многочисленная группа текстов в коллекции Астаховой (около 30 номеров). В перебеленной записи эти былины даются Астаховой сводным текстом, в котором круглыми скобками отмечены добавления из спетого варианта, а в квадратные — заключены части текста, принадлежащие только сказанному варианту. Приведем пример полевой записи и перебеленного текста былины «Илья Муромец» (№ 95), строки 47–49.

Полевая запись

[Увидел] Илеюшко сонце красное
[Увидел] Илеюшко людей добрых.

Перебеленная запись

Увидел Илеюшко свету белого
(Свету белого) увидел сонце красное,
Увидел Илеюшко людей добрых.

В сборнике «Былины Севера» опубликован сводный вариант этой былины без указания в тексте или в комментарии на разночтения спетого и сказанного вариантов. При сопоставлении спетого и сказанного, перебеленного и опубликованного текстов былин этого типа выявляются множественные случаи несовпадений во всех источниках: замена частиц, союзов, предлогов, суффиксов, окончаний глаголов и прилагательных, перестановка слов в стихе и изменение порядка стихов в тексте, добавление или выпадение больших кусков текста, иное фонетическое звучание слов и т. д.

Фактически при такой методике записи мы имеем дело с *двумя самостоятельными* вариантами одной былины как результатом двух актов исполнения. См., например:

При сказывании

² У ласкова у князя...
⁷ Все на пиру...
¹⁹ Он сапог о сапог...
³⁰ А уж я как...
⁴⁸ ...Семёна...

При пении

Как у ласкова у князя...
Да как все ле на пиру...
Он на сапог ле о сапог...
А как уж я...
...Семёнушка...

(№ 76, «Дунай», записано от А. Р. Овчинниковой. Тетр. 2. Л. 22–24 об.).

³ Жила-была...
⁴ ...Омелфа Тимофеевна...
⁵ Было... чадо...
⁸ На той...
⁸² На трех дубах...

Да жила-была...
...Емелфа Тимофеевна...
Кабы было... надо...
Он на той жо...
Ах на трёх-де дубах да...

(№ 95, «Илья Муромец», записано от П. И. Дитятевой. Тетр. 5. Л. 22–24 об.).

При подготовке подобных текстов к публикации в Своде первоисточником становится *полевая запись спетой былины*, так как именно во время пения проявляются характерные особенности этого жанра. Сводный текст «расчленяется» на спетый и сказанный варианты, нами публикуется спетый вариант, а все разночтения из сказанного и опубликованного вариантов указываются в комментарии.

Таким образом, в пределах группы текстов, записанных одним собирателем, относительно просто выделяются однотипные былины, что облегчает их текстологическую подготовку при новом научном переиздании. Значительно сложнее текстологическая подготовка былин, записанных одновременно несколькими собирателями. Рассмотрим конкретные случаи на примере пудожских былин.

Былины, собранные экспедицией 1928 года в Пудожский край, были опубликованы в сборнике «Онежские былины» в 1948 году. Цель экспедиции состояла в обнаружении тех изменений, которые произошли с эпосом за 60 с лишним лет после того, как во второй половине XIX века в тех же местах вели свои записи П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг. Все материалы экспедиции были сданы в архив Государственной академии художественных наук. Затем их передали сначала в Московское отделение Государственного института материальной культуры, потом в Государственный Литературный музей, а затем в Центральный государственный архив литературы и искусства (ныне Российский государственный архив литературы и искусства), где они и находятся в настоящее время. Естественно, что при многократном вынужденном путешествии из архива в архив часть рукописных материалов была утрачена, что затрудняет теперь текстологическую работу. Материалы эти для текстологов очень непросты, так как с целью получения наибольшей достоверности фиксации текста (при минимальной возможности использования фонографа) записи производились одновременно несколькими собирателями, а затем сводилась воедино. Задача текстологов состоит в том, чтобы определить, что же представляет собой *сводный текст*¹⁴ при подобной методике записи.

Первый тип. Былина «Илья Муромец» («Добрыня и Алеша») была записана в июле 1928 года от Е. Д. Силкиной в д. Семенове на р. Шале (р. Водле) одновременно четырьмя собирателями. С. П. Бородин (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 8, л. 26–29) записывал начало и иногда середину стихов; Ю. А. Самарин (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 19, л. 20–21 об.) писал только середину стихов; Э. Г. Бородина (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 12, л. 28–29) записывала концы стихов. В. И. Чичеров свел воедино отрывочные записи всех собирателей. Перебеленная в полевых условиях запись былины (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 33, тетр. 3, л. 22 об. — 23 об.) и легла в основу печатного текста.¹⁵ Сличение изданного текста с перебеленным при повторном корректирующем сравнении с неполными записями всех собирателей показало, что точность воспроизведенного текста при использовании данного метода записи чрезвычайно высока. Незначительные единичные разночтения между печатным и рукописными текстами (снятие «оканья» в стихах 22, 45, «цоканья» в стихе 44, замена «а» на «и» в глагольном окончании) связаны, скорее всего, не со случайными упущениями В. И. Чичерова при составлении единого текста былины, а с редакторскими требованиями определенного единообразия подачи печатного текста.

При иной методике записи, когда былина записывается всеми собирателями полностью, сводный текст имеет, как правило, значительные погреш-

¹⁴ А. Н. Веселовский считал *сводным* любой текст былины или сказки, как текст, сохранивший исторические напластования разного времени. В XX веке термин «сводный» понимался как *испорченный*, искусственно составленный, когда текст со смысловыми или словесными пропусками дополнялся аналогичными или близкими местами текста, присутствующими в других вариантах того же сюжета. В настоящем случае речь идет лишь об *особой технике записи*, когда один собиратель писал начало стихотворной строки, другой середину, а третий ее конец. По окончании записи текст тут же (в полевых условиях) объединялся. Эта методика применялась в случаях записи «на карандаш» с целью получения максимального приближения к исполняемой (поющей) былине.

¹⁵ Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов Ю. М. Соколова; подг. текстов к печати, прим. и словарь В. И. Чичерова. М., 1948. № 67 (Летописи Государственного Литературного музея; кн. 13).

ности при сравнении его с полевыми записями. Качество подобного текста в большей степени, чем в предыдущем случае, зависит от опыта собирателей, степени знания ими традиции, размера былины и ряда других причин. Так, былина «Дюк Сепанович» (№ 71 — 340 стихов) была записана от П. Е. Миронova в 1928 году в д. Семеново на р. Шале тремя собирателями, причем каждый из них пытался зафиксировать былинку полностью. Сохранились в РГАЛИ полевые записи данной былины, сделанные Б. М. Соколовым (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 25, тетр. 2, л. 300–308), В. И. Яковлевой (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 35, л. 115–130) и В. И. Чичеровым (ф. 1456, оп. 1, тетр. 3, ед. хр. 33, л. 63 об. — 70 об.). В. И. Чичеров перебелил свой текст (правка по карандашной записи), согласуя свою правку с записями других собирателей. Сличение всех полевых записей со сводной записью и печатным текстом показало, что расхождения в основном касаются способов фонетической подачи текста (он — ён, улицу — улицу, потюхошенько — потохошенько и т. д.), пропусков или добавления отдельных букв (благословеньице — благословеньице, крест — крес и т. д.), частиц или предлогов (становись-ко [ко] мне; я из той [из] земли), последовательного несоблюдения «цоканья» и т. п.¹⁶ При всех указанных недостатках, которые необходимо оговаривать в комментариях, сводная запись в данном случае все же должна рассматриваться как вполне авторитетный источник для дальнейших публикаций.

Авторитетность сводного текста былины резко снижается, когда речь идет о менее удачных записях собирателей или о неполной сохранности этих записей в архиве. Совмещение двух указанных моментов характерно для значительного числа пудожских былин. Например, былина «Добрыня и Алеша» (№ 49) была записана в августе 1926 года от Фадеевой в д. Мелентьевской собирателями С. П. Бородиным (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 4, л. 155–160 об.), Э. Г. Бородиной (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 11, л. 192–203) и Ю. М. Соколовым (рукопись в архиве отсутствует).¹⁷ Обе сохранившиеся полевые записи представляют собой текст, где перемежаются полные и неполные строки. Сводный текст также был составлен собирателями в полевых условиях (почерк каждого из них при подготовке единого текста четко определяется). В записи былины Э. Г. Бородиной (ед. хр. 11) проведена правка с учетом записи С. П. Бородин (стихи с 1-го по 60-й и с 162-го по 238-й сводились совместно),¹⁸ стихи с 60-го по 162-й остались несведенными (зафиксированы только их концы). Таким образом, перед нами неполный сводный текст былины. Сличение 98 несведенных собирателями стихов с печатным текстом производилось нами одновременно по двум тетрадам. Сведенный Э. Г. Бородиной и С. П. Бородиным текст должен был бы по логике вещей иметь минимальные расхождения с печатным. Однако, как мы попытаемся показать далее, неточностей он имеет очень много, и причины этого достаточно легко вскрываются. Прежде всего совершенно очевидно, что собиратели не успевали с абсолютной достоверностью фиксировать текст — отсюда нередко встречаются разные прочтения одного и того же места былины. Например, в сведенном рукописном тексте 32-й стих звучит следующим образом: «А вопроговорит Добрынюшка Никитинец». В рукописи С. П. Бородин слова «Добрынюшка Никитинец»

¹⁶ В записи В. И. Яковлевой (ед. хр. 35) есть несколько смысловых несовпадений по сравнению с другими полевыми записями: дополнительный третий стих («А был спорожён ядиной сын»); в 122-м стихе вместо «поить питьица-естушки» — «носить питьица-есмушки»; в 238-м стихе вместо «не идь-ко ты» — «Дюк ты» и другие несовпадения (стихи 239, 266, 296, 301, 310, 314).

¹⁷ В сборнике «Онежские былины» среди записавших эту былинку значится Ю. А. Самарин, а не С. П. Бородин (раздел «Комментарии», с. 886). Запись Ю. А. Самарина в архиве не обнаружена.

¹⁸ Стихи 210, 212, 224, 226, 232, 234–237 остались несведенными, а стихи 227, 231, 233 в этой единице хранения вообще отсутствуют.

зачеркнуты и сверху написано: «князь Владимир стольно киевской», после чего слово «Владимир» тоже зачеркнуто. В рукописи Э. Г. Бородиной этот стих читается так: «А воспроговорит князь <ст.> киевской». Очевидно, при составлении окончательного варианта данного стиха шел спор и, следуя логике развития сюжета, а не точной фиксации текста, была оставлена формула «Добрынюшка Никитинец», а надо было бы сохранить со специальной оговоркой тот вариант, который произнес исполнитель, даже если он и ошибся.

Попытка С. П. Бородина записывать текст полностью (строки с 1 по 34) себя не оправдала, так как здесь множество неточностей в записях окончаний слов, есть неизбежные пропуски частиц, слов и даже целых стихов. Стремление воспроизвести полностью начало былины отняло у собирателя неоправданно много сил, и его дальнейшую запись отличает значительно менее точная подача текста, чем, скажем, у Э. Г. Бородиной, которая писала от начала до конца только последнюю часть стихов. В дальнейшей записи С. П. Бородина совсем отсутствуют строки 36, 70, 126, 138 и др. В сведенной рукописи они реставрируются с учетом записи второго собирателя.

Итак, даже неполный текстологический анализ былины «Добрыня и Алеша» показал, что сводный текст, составленный Э. Г. Бородиной и С. П. Бородиным, недостаточно точен, так как разночтения здесь затронули смысловую суть текста и привели к недопустимым с точки зрения современной текстологии фольклора реставрациям.

Таким образом, даже те немногие, характерные, но далеко не исчерпанные случаи составления сводного текста самими собирателями в полевых условиях показали разную степень его авторитетности как источника, что должно быть учтено всякий раз, когда речь пойдет о научном переиздании этих былин.

Второй тип. К данному типу могут быть отнесены достаточно уникальные случаи записи былин, где всеми собирателями была продемонстрирована особая точность фиксации текста. При записи «на карандаш» это было доступно только собирателям высочайшей квалификации, да и то только в тех случаях, когда былина оказывалась сравнительно небольшими размерами. Примером тому может служить былина «Сорок князей» («Женитьба Ивана Годиновича») (№ 65), записанная в 1928 году в д. Семеново на р. Шале от А. А. Соловьевой В. И. Чичеровым, Б. М. Соколовым и В. И. Яковлевой. В РГАЛИ сохранились две полевые записи (Б. М. Соколова — ф. 1456, оп. 1, тетр. 1, ед. хр. 25, л. 35–39 и В. И. Чичерова — ф. 1456, оп. 1, тетр. 1, ед. хр. 32, л. 33–37).¹⁹ В. И. Чичеров перебелил свою полевую запись (там же, л. 33 об. — 36 об.) и опубликовал ее без учета одновременной записи той же былины, сделанной Б. М. Соколовым. Таким образом, перебеленному тексту одной записи определена была роль «сводного», хотя он не являлся таковым по существу. При повторной публикации запись Б. М. Соколова должна была бы рассматриваться нами как самостоятельная. Однако характер текстологической работы в данном случае оказывается принципиально иным. Трижды проведя сличение печатного текста (с каждой из полевых и с перебеленной записями), мы пришли к выводу, что уровень записи обоих собирателей был настолько высок, что отмеченные разночтения не дают нам права рассматривать запись Соколова как принципиально отличную от опубликованной. Отдельные пропуски слов и частиц в полевой записи Соколова существуют, но в то же время последовательно (по сравнению с чичеровским вариантом) проводимые им «цоканье» и «оканье», дополнительные ударения и т. д. должны быть оговорены в комментариях к данному тексту. Отдельные же пропуски, наблюдае-

¹⁹ Запись былины В. И. Яковлевой в архиве не обнаружена.

мые в перебеленной рукописи, но отмеченные *одновременно* в полевых записях обоих собирателей, необходимо восстановить в основном тексте.

Таким образом, при отсутствии сводного текста в данном случае мы его фактически имеем в результате очень высокой точности записи собирателей.

Третий тип. К данной группе следует отнести разные случаи, объединенные общим обстоятельством: при одновременной записи былины несколькими собирателями публикуется так называемый лучший вариант. Этот, избранный как основной, текст былины подменяет собою отсутствующую сводную запись без учета записей других собирателей. Задача текстолога заключается в том, чтобы определить, в каких случаях и каким образом должны быть учтены записи всех собирателей при подготовке нового издания, куда должны быть включены и эти конкретные тексты.

Как правило, предположить, что одна из записей способна подменить собой «сводный» текст, практически невозможно, так как печатный текст имеет множество несоответствий с *каждой* из этих полевых записей, начиная от пропусков или подстановки букв, произвольности написаний окончаний слов до пропусков целых стихов, их перестановок, словесных замен и т. д.

Итак, сличение былин данного типа по рукописям показало, что единого сводного текста они не имеют ни по существу, ни в принципе. Опубликованный текст в точности не соответствует ни одной из рукописей. Полевые записи, очевидно, должны быть представлены в повторной публикации как *самостоятельные тексты* (один печатается как основной, другие — в комментарии), так как слишком существенны расхождения, охватывающие все уровни текста.

Мы попытались показать разнообразные и непохожие случаи текстологической подготовки былин для новой публикации, основываясь лишь на анализе некоторых былин двух собраний. Каждая новая коллекция даст, безусловно, дополнительные случаи, поскольку индивидуальна методика каждого собирателя, непохожи и условия записи былин. Но можно достаточно уверенно сказать, что проблема «сводного» текста актуальна лишь для записей прошлого времени, когда не было широкой практики звукозаписи. Точно расшифрованный с магнитофона текст должен снять эту проблему. Главной идеей в репрезентации материала должна быть идея полной и точной публикации текстов и фактического комментария к ним.

Создание «Свода русского фольклора» осознается как предприятие общенационального культурного значения. Шагом к объединению усилий специалистов вокруг Свода для создания последующих после былин серий (сказки, песни, народный театр и пр.) должна послужить координация собирания и хранения русского фольклора, которая имеет задачей подвести итоги работы собирателей за несколько десятилетий, проанализировать состояние изучения фольклорной традиции в различных регионах России и воссоздать картину записей народной поэзии на территории всей страны.

«Свод русского фольклора» как важнейшая современная форма научного освоения фольклорного наследия станет не только сокровищницей устного народного творчества, но и сокровищницей материалов по истории народа, его культуры, этнографии и истории языка. Свод генерализирует закономерности развития народной поэзии и демонстрирует ее творческую природу. Реализация идеи Свода признана служить постоянным фактором обеспечения многосторонних научных исследований и широкой популяризации подлинно народного искусства, имеющего непреходящее историческое и художественное значение.